

М. И. Борецкий

ОБРАЗЫ И МОТИВЫ В ОДНОСЖЕТАХ БАСНЯХ
АВИАНА И БАБРИЯ

Почти во всех исследованиях, посвященных Авяну, протягиваются нити связи между ним и Бабрием, и это вполне естественно — именно к басням Бабрия Авяну обращался за сюжетами для своих 42 басен. Правда, Авяну в предисловии к басням говорит о своем прямом источнике смутно и мимоходом как о баснях, "изложенных грубой латынью" (*fabulas... rudi latinitate compositas*. — Av., prol., 15 — 16)¹. Ученые сходятся во мнении, что этим источником был латинский перевод басен, относящийся к III в. н. э. и принадлежавший ритору Оливию Тисциану, о котором упоминает в своем послании к Пробу Авсоний ("Посл.", I6, предисл.; I6, 74; I6, 102), высоко оценивая его как переложителя на латинскую прозу греческих "эзоповских ямбических тримеров", то есть басен Бабрия. Действительно, 25 басен Авяна имеют параллели среди сохранившихся стихотворных басен и 8 — среди пересказов басен Бабрия из Бодлейанской парафразы. Возможно, что в остальные сюжеты Авяну почерпнул из несохранившихся бабриевских басен, ибо четыре из них имеют параллели в эзоповских сборниках, то есть бытовали в жанре до Авяна. Трудно предположить, чтобы поэт оказался столь непоследовательным, что в остальных случаях (басни 22, 25, 28, 30, 38) обратился к оригинальному творчеству.

¹ Текст Авяна и Бабрия (в латинской транскрипции) цитируется по изданиям: *The fables of Avianus*, ed. Ellis R. Oxford, 1887; *Babrii fabulae Aesopaeae*, ed. Crusius O. Lipsiae, 1897.

Вместе с тем, указывая на заимствование Авяном материала и на его подражательность, ученые ограничивались лишь констатацией того, что басни Авяна уступают бабрийским, теряют свойственную басням Бабрия краткость, точность, прелесть и изящество², и не пытались выйти в этом вопросе за пределы общего впечатления, определить, в чем проявляется эта подражательность, если она существует, и дать углубленный сопоставительный анализ басен обоих поэтов³.

А между тем вопрос об отношении Авяна к сюжетам Бабрия, его принципах их изложения и переработки я интересен, и весьма важен. Анализ этих принципов поможет уяснить, в чем заключается зависимость Авяна от Бабрия, вскрыть характерные черты его творческой манеры, осветить если не всю его художественную систему в целом, то хотя бы её наиболее характерные и яркие стороны, её общие художественные принципы.

С этой целью нами был проведен сопоставительный анализ образов и мотивов всех односюжетных басен Авяна и Бабрия, позволивший увидеть, какие бабрийские образы и мотивы Авян принимает и оставляет, что изменяет и как, что заменяет другими и какими именно, а что отбрасывает, причем не заменяя, какие трансформации претерпевает у Авяна тот или иной бабрийский сюжет и чем все это может быть обусловлено.

25 басен Авяна, которые имеют соответствия с сохранившимися стихотворными баснями Бабрия, можно разделить на три группы в зависимости от того, в какой мере римский поэт сохраняет верность Бабрию и в какой степени удаляется от него. Конечно, такое деление условно и приближительно, но оно во многом облегчит задачу анализа и поможет вскрыть разные черты творческой манеры Авяна.

Первую группу образуют те басни, которые имеют очень много общего с баснями Бабрия, сохраняют не только почти все их мотивы и образы, но и некоторые словесные формулировки Бабрия.

2 Schenkl K. Beiträge zur Texteskritik der Fabulae des Avianus. - Zeitschrift für die österreichischen Gymnasien, 1865, Bd. 16, S. 397; Bernhardt G. Grundriss der römischen Literatur. Braunschweig, 1869, S. 632.

3 Первые шаги в этом направлении были сделаны лишь в советском литературоведении (см.: Гаспаров М.Л. Античная литературная басня (Федр и Бабрий). М., 1971, с. 203-209).

При переработке их Авиан, таким образом, остается преимущественно верен Бабрию. Но он не становится копиистом, ибо смело пытается подчинять материал своим установкам, дать ему свою интерпретацию: он более одержан и осторожен в суждениях, многообразнее и отвлеченнее, даже отличается в трактовке идейного содержания⁴. Такими, ещё близкими к Бабрию, но уже не бабриевскими, являются басни I, 3, 4, 18, 20. Большинство из них относится к началу сборника. Можно предположить, что и написаны они были одними из первых, когда поэт делал свои первые шаги в жанре басни.

Сравним для начала басню Авиана "Кормилица и дитя" (№ I) с соответствующей ей басней Бабрия "Волк и старуха" (№ 16) и попытаемся выяснить, что может дать такое сопоставление.

Басенную ситуацию в целом Авиан воспроизводит здесь очень близко к Бабрию, сохраняя все структурные мотивы⁵, персонажей и даже их трактовку. Действительно, сельская кормилица Бабрия (*agroikos titthē* - ст. I⁶) остается такой и у Авиана: в первом стихе поэт называет её крестьянской (*rustica*), в четырёх далее - кормилицей (*nutrix*). У Бабрия волк от голода бессильно разевает пасть (*peinōn kai lykov chanōn* - ст. 6), у Авиана его таким же видит волчица, но передано это более выпукло (ст. 10): *Languida consumptis sic trahis ora genis?* Сохраняет Авиан почти буквально некоторые словосочетания Бабрия, например: *Rustica deflentem parvum iuraverat* (ст. I) - *ēpeilēse nēpīōi titthē klaionti* (ст. I-2); *irrita vota* (ст. 4) - *nōthraia elpisia* (ст. 7); *cur... nullem referens de more rapinam?* (ст. 9) - *rōs ouden aras ēlthes, hōper eiōthes* (ст. 9).

Вместе с тем, уже эта первая басня демонстрирует основное различие между поэтами: Бабрий "живописует", насыщая басню конкретными деталями, выраженными просто, изысканно и ярко; Авиан

⁴ Подробно об этом см.: Борейский М. И. Идейное содержание басен Авиана. - В кн.: *Иноземна филология*, вып. 74, Львов, 1984, с. 75-81.

⁵ "Среди образов и мотивов художественного произведения различаются структурные, органически входящие в сюжетную схему, и свободные, непосредственно с ней не связанные: если изъять из произведения структурный мотив, то разрушится весь сюжет, если изъять свободный мотив, то произведение сохранит стройность и смысл, но станет бледнее и беднее" (Гапаров К. Л. Указ. соч., с. 83).

⁶ Здесь и далее сокращение "ст." обозначает стих, стихи . 5

избегает конкретности и стремится говорить возвышенно, будто описывает ситуацию, достойную эпической песни. Так, у Бабрия кормилица угрожает малышу: *tōi lykōi ripsō* (ст.2), у Авяна — что тот *foret esca lupi rabido* (ст.2); у Бабрия волк: остается, *hōs hetoima deipn.* (ст.4), у Авяна он питает тщетные надежды (*irrita vota gerens* — ст.4). Бабрий говорит о ребенке "уснул" (*skoimēthē* — ст.5), Авян использует величественное вергилианское *dat membra quieti* (ст.5, срав.: Верг., Эп., IV, 5; Д, 217). Таких примеров много и в других баснях этой группы: Бабрий о лягушке-враче говорит *ho telmatōn enoikos* (I20, I), Авян, употребляя выражение Вергилия, — *edita gurgitibus limoque impena...* (6, I; срав.: Верг., *Culex* .163); у Бабрия рыбка умоляет (*hiketeuen* — 6, 5) рыбака, у Авяна — *supplex lacrimis ita dixit obortis* (20, 5, срав.: Верг., Эп., XI, 41; Ш, 492).

Авян часто расширяет, используя плеоназмы, добавляя или усиливая мотивировки, краткие, как правило, даже если в них есть плеонастические фигуры, фразы Бабрия. Примером этого в басне I может быть ответ волка жене. У Бабрия он лаконичен: *rōs gar, hōs gulaiki* (ст.10). У Авяна волк подчеркивает, что попался на обман, упоминает упущенную добычу и несбытшуюся надежду и лишь затем, расширяя бабриевское "я поверил женщине", говорит: *Iurgia nutricis... mihi verba degerit* (ст.14). Краткое название матери раку *mē loxa bainein* (Бабрий, I09, I) превращается у Авяна в два элегических дистиха:

*Ne tibi transverso placeant haec devia, nate,
Rursus in obliquos neu velis ire pedes,
Sed nisi contanta ferens vestigia recto
Innocuos proso tramite siste gradus* (3, 5-8).

Слово Бабрия *elegē* (I09, I) разворачивается у Авяна в стих: *Talibus alloquiis emouisse* (3, 4), а образ путешественника (*andros hodoiporountos* — I8, 2) — в целую фразу: ... *mediumque per aequor Carrebat solitum forte viator* (4, 3-4). Подобные примеры есть ещё в баснях 6, 5-6 (Бабрий, I20, 4), 18, 13 (Бабрий, 44, 5), 18, 15-16 (Бабрий, 44, 7-8).

Если у Бабрия часто звучит прямая речь персонажей, оживляя и драматизируя действие, то у Авяна она заменяется косвенной, и басня приобретает тем самым более спокойный, "нарративный" характер. В басне I Авян передает косвенной речью угрозы корми-

лишь (от.2). Такая же замена встречается и в басне 6 (ст.5-8). Всегда охватывает Авиан прямую речь лишь в конце басни. К замене прямой речи косвенной Авиан прибегает весьма последовательно и в баснях других групп: 2,2-6; 2,12-14; 15,5-6; 17, II-12; 21,4; 34, II-14.

Иногда Авиан вводит отсутствующие у Бабрия свободные мотивы, которые или усиливают, разъясняют и дополняют структурные мотивы басни (ребенок ушел и *erem quoque captori sustulit* - I,6), или связывает отдельные моменты действия, являются дополнительным звеном между двумя другими, если те несколько удалены друг от друга. Так, у Бабрия волк уходит из-под двери дома, и сразу же его спрашивает волчица. Авиан между этими двумя пунктами действия вводит дополнительный мотив: волчица видит мужа возвращающимся в родное лесное логово, чувствует, что он голоден, и уже затем спрашивает. События, таким образом, разворачиваются более последовательно и плавно, без скачков и резких переходов. В басне 120 сразу же после бахвальства лягушки Бабрий говорит, вводя слова лисы, просто: *albrēx eirei*. (ст.8). Авиан делает переход более плавным, объясняя, что слова лягушки - обман, что лиса лиса, так как она хитра, смогла раскрыть глаза простодушным животным (6,9-10). Иногда Авиану не удается искусно вписать новый мотив, и тогда текст становится темным и непонятным. Так, в речь волка поэт вводит: *vix wise-gus vasua delit...* (I,12). В контексте остается неясным, что под этим имеется в виду - то ли волк без добычи от голода еле добегал к логову, то ли ему пришлось убежать от какой-то опасности. Нередко темные места Авиана можно объяснить, порчей текста переписчиками, но в данном случае, кажется, причина другая.

Коренных ломов, пересмотров сюжета, коренных изменений мотивов и образов (персонажей) в баснях первой группы нет. В некоторых есть лишь блуждающие к рассмотренным выше добавочные мотивы, которые Авиан использует для усиления правдоподобности ситуации и для мотивировки действий персонажей, когда правдоподобность и мотивировка у Бабрия выражена слабее или же отсут-
ствует вовсе.

Уже в этой группе басен Авиан нередко опускает бабриевские конкретные свободные мотивы. Так, у Бабрия Борей дует *hoion ek thraikēs* (18,4), путешественник причает от ветра за висо -

хой скалой (*petrae nōton exoschēi klīnas* - 18,8), рыба бьет-ся на крючке (*apraigōn* - 6,5; *apraigōn* - 6,13), рыбак протыкает её острым прутом (*peirōn euton oxeē schōinōi* - 6,15), рыба ещё не созрела для сковородки (*ou tōn eis tagōnon nōraīōn* - 6,4). Все эти оживляющие рассказы мотивы и образы, иногда очень конкретные, картинные и яркие, Авлиан опускает. Отличающиеся конкретностью структурные мотивы Бабрия Авлиан трансформирует, перефразирует, делает более общими, отвлеченными. У Бабрия лягушка хвастает: *iatrov eimi phatmakōn epistēōn* (120,4). Для действия этот мотив существует, поэтому Авлиан его оставляет, но облекает, выразив мысль более отвлеченно и вместе с тем более возвышенно, в такие слова:

*Callida quod posset gravibus succurrere morbis,
Et vitam ingenio continuare suo* (6, 5-6).

У Бабрия рыбак зарабатывает на сладкую жизнь легкой удочкой (*leptōi t kalamōi ton glykyn bion* - 6,2), у Авлиана он - *molitus praedam suspendere saeta* (20, 1).

Итак, уже в тех баснях, которые остаются наиболее верными бабриевским, Авлиан последовательно, хотя ещё и не везде уме-ло, претворяет при переработке свои программные установки.

Во вторую группу можно условно выделять басни 2,5,7,13,14,15,16,32,34,42. Они сохраняют меньше точек соприкосновения с баснями Бабрия, чем басни первой группы, в них реже встречаются почти буквальные речевые обороты Бабрия. Авлиан смелее и чаще избегает конкретности и добивается многозначности, отвлеченности и даже пересмысления идейного содержания (15,16,32,36,42), чаще изменяет, даже коренным образом, мотивы и вводит новые, меняет персонажей басен. Для примера сопоставим басню Бабрия "Зевс и обезьяна" (56) и басню Авлиана "Обезьяна" (14).

У Бабрия Зевс хочет видеть всех животных, чтобы решить, кто из них отличается "счастьем в детях", и назначает за это награду. Юпитеру у Авлиана не требуется назначать награды, чтобы увидеть, кто из животных даст высшего потомка... *meliora* (14,2). У Бабрия сразу же после этого идет речь о приходе обезьяны с голым и курносым ошном. Для Авлиана такой быстрый переход к сущности басни непримлем, и он вводит новые мотивы и образы: спешит к царю весь звериный род, даже те животные, которые живут у лю-

лей (? - текот темен), чешуйчатые рыбы и крылатые птицы - все матери ведут, волнуясь, детей на суд столь могучего бога. И уже затем обезьяна тащит своего, только не курносого и голого, как у Бабрия (*gymnon simon* - 56,4), а просто безобразного (*informis* - ст.9) сына. Появление обезьяны вызывает в басне Бабрия смех богов, у Авяна - всеобщий смех, ибо рассмелся даже сам Юпитер. У Бабрия обезьяна сразу же ведет речь о том, что о победе судит Зевс, а для нее её дитя - самое красивое. Авяан же предваряет речь обезьяны виспренным замечанием о том, что она заговорила раньше других, подчеркивает ещё раз безобразность обезьяны и как бы противопоставляет этому её благородство: обезьяна жалеет просечь насмешки над обезьяньим родом (? - ст. 12 темен). Как видим, басня Авяна, оставаясь в целом верной греческому образцу в передаче ситуации, уже более существенно отличается от него, чем это было в баснях первой группы. Авяан уже меньше связан с текстом Бабрия в буквальном смысле: из его выражений только начало речи обезьяны отличается довольно большим сходством с бабриевским, да и то оно у Авяна воспринимается как более возвышенное. А продолжение её уже намного отвлеченнее, хотя мысль остается той же: бабриевское *smoi da* (ст.7) превращается в *iudicio meo* (ст.14), а конкретное *panthōn hōntōv esti...* (ст.7) - в отвлеченное *super est omnibus iste* (ст.14).

Рассмотрим ещё басню "Черепаха и орел" (Авяан,2;Бабрий,115). При её переработке Авяан также охотно отошел от Бабрия. У него орел не подлетает случайно и не спрашивает, какую плату может дать черепаха, чтобы он поднял её в воздух, а черепаха обращается конкретно к озерным жителям (ныркам, зимородкам, чайкам). Её речь адресуется всем птицам, среди которых есть и орел, а сразу же содержит обещание одарить согласного. Черепаха сердается на себя за медленный шаг, который весь день не дает ей ничего делать. Орел сердится на черепаху за обманные обещания и готовит на её вероломную речь подобную же "честность" - подняв обманщицу в небо, он душит её в когтях, а черепаха, испуская дух, оглашает эфир своими жалобами. У Бабрия орел бросает черепаху на скалы, та разбивается и уже тогда (что нелогично и, возможно, побудило Авяна изменить ход событий?) жалуется, причем весьма конкретно, в духе Бабрия:

... *syn dikel thnēiskō:*

ti gar nephōn moi, kai tis ēn pterōn chrēiē (115, 11-12).

Замена Авианом бабрийских мотивов и введение новых часто встречается и в других баснях этой группы. Так, осел у Авиана не хвастается, что станет страшен всем людям (Бабрий, 139,2), но, надев шкуру льва, чувствует, как *terribilis nimo circumstantit horror, Pigraque praesumptus venit in osia vigor* (5, 9-10), и идет на пастбище, где приводит в замешательство не всех животных и людей, а только робких коров. У Бабрия все узнали осла, когда ветер сдул с него шкуру, а кто-то стал бить его палкой. У Авиана узнает осла по ушам крестьянин, захватывает его шнуром, стягивает шкуру льва и укрощает осла ударами кнута. У Бабрия этот кто-то говорит ослу: "Если ты родился ослом, то не прикидывайся львом" (139,8), у Авиана крестьянин не забывает отметить подражательный рев осла, обман ослом неведущих и свою прозорливость:

Forsitan ignotos imitato murmure fallas,

At mihi, cui quondam, semper evellus eris (5, 17-18).

В басне 13 Авиан превращает бабрийского козла, оставленного пастухами, в вожака киндийского стада, и он не сразу отвечает льву, но сначала печально отходит, ибо страх перед львом не позволяет ему спорить, и уже из отдаленной долины высказывает свое мнение о ситуации, давая при этом весьма яркую характеристику своему обидчику: *non te demissis saetosum, putide, barbis... tremo* (13,9-10); *stultissime* (13,11); *nircus olens* (13,12). В басне 15 павлин прогоняет кураваля от общей трапезы (? - ст. темей), а тот не пытается состязаться с ним в красоте перьев и отвечает с насмешкой (*insultans*. - ст. 10). Победенный бурей дуб (16) не сразу падает в реку, его туда выносит горный поток. Он не ведет на ходу беседу с тростником, но, бросаемый от берега к берегу, оседает мощной тяжестью в тростнике и уж затем удивляется его слабости и стойкости. Тростник, шелестя, отвечает ему вкрадчивым шепотом (*blando susurro* - ст. 11) и говорит, что безопасен благодаря именно слабости.

Подобных примеров можно бы привести больше. Все они показывают, что введенные Авианом новые образы и мотивы и здесь выполняют те же функции: дополняют и разъясняют те или иные структурные мотивы, создают более последовательный и без скачков ход событий, обеспечивая плавность перехода от одного действия к другому, и усиливают правдоподобность ситуации и действии пер-

сомажей или же придают басне величественность и возвышенность. Не исключено, что введением новых и трансформацией имеющихся у Бабрия образов и мотивов Авриан везде хочет добиться каких-то переосмыслений идейного содержания⁷, однако интерпретировать это более или менее уверенно не всегда представляется возможным и часто приходится ограничиваться только выяснением стилистических и композиционных функций новых и измененных Аврианом образов и мотивов.

Замена персонажа в баснях второй группы встречается всего раз и может быть, кажется, объяснена. В басне 42 (Бабрий, 132) Авриан вводит вместо бабриевской овцы козла, чтобы дать волку более достойного соперника: козел в его басне, чувствуя свое превосходство, ибо он — *melior curvis* (ст. I), насмехается над волком (*deluserat lupum* — ст. I).

В баснях второй группы нередки и расширения конкретных и кратких мотивов Бабрия, чтобы придать им отвлеченный характер, сделать их более мотивированными, красочными и возвышенными. Так, в басне 7 Авриан разворачивает мотив Бабрия (*lathraei kyōn edakne* 104, I) в красочную картину, которая подробно разъясняет бабриевское *lathraei*, мотивируя тем самым необходимость и справедливость поступка хозяина, привязавшего собаке бубенец:

*Porte canis quondam nullis latratibus horrens,
Nec patulis primum rictibus ora trahens,
Mollis sed prouidee summitens verbera caudae,
Concitus audaci vulnere dente dabat* (7, 2-6).

Вместе с тем вергилианские реминисценции⁸ придают картине возвышенный характер. Бабриевский лаконичный мотив "козел выгоняет сына рогами" (*tois kerasin exōthai* — 9I, 4) разрастается у Авриана и становится величественной картиной:

*Post ubi summissa meditantem ingruere frontem
Obuius obliquo terruit ore serper* (13, 5-6).

Басня Бабрия 139 начинается так: "Осел, набросив на бедра львиную шкуру...". Авриан добавляет, что осел случайно нашел шкуру

⁷ Дс Лоренци считает, что любые изменения мотивов, даже самые малые, в басне не случайны и могут быть объяснены (см.: De Logenz) A. Padro, Firenze, 1955).
8 Из здесь гр.: *nec patulis primum rictibus, verbera caudae, vulnere dente dabat* (срав.: Берг., Георг., I, 376; Цир., 453; Зн., X, 733).

а что принадлежала она когда-то гетулюскому льву. Затем он подробно, расширяя бабриевское *erpharibene*, изображает процесс приспособливания ослон этой якуры:

... spoliis induit ora novis.

Artavitque suis incongrua tegaine membris,

Et miserum tanto pressit honore cerut (5, 6-8).

Подобного рода примеры можно бы приводить ещё, однако в эти в достаточной степени демонстрируют указанную особенность под-хода римского баснописца к бабриевским сюжетам.

В третью группу можно объединить басни 17, 19, 23, 31, 33, 35, 37. Для всех них характерна большая или даже очень большая удаленность от бабриевских образцов, замена персонажей, изменения, часто весьма кардинальные, мотивов, нередко и переосмысление идейного содержания. При сходстве басенной ситуации с бабриевой прямой точкой соприкосновения с баснями Баэрия здесь уже очень мало.

Примером может послужить басня "Обезьяны близнецы" (35; Баэрий, 35). Заданная ситуация здесь у обоих поэтов сходная: обезьяна рождает двух детей, но любит их неодинаково, и в результате... Сходство ситуации обуславливает наличие точек соприкосновения басен, хотя это уже далеко не буквальные совпадения текста: у Баэрия обезьяна рождает двух сыновей (*ōdinei duō huīous* - ст. 1), а у Авиана она - *profundens geminum partum* (ст. 1); у Баэрия обезьяна детям - *oak iāē wētēr* (ст. 2), у Авиана она "наделает рожденных детей разными судьбами, ибо одного родительница растит с нежной любовью, а к другому исполнена ненавистью" (ст. 2-4). Уже здесь Авиан отходит от Баэрия - обезьяна у него растит обоих детей, хотя и по-разному. У Баэрия обезьяна в своей страстной любви душист любимого сына "на дрякой груди" (*kolpois agriois* - ст. 4), другого же, *non perissoon kai mataion* (ст. 5), выбрасывает оразу, и тот, "оставшись цел, живет один в чаще" (ст. 6). Авиан тщательно подготавливает вытекающую из ситуации развязку. Пугаясь шума, обезьяна убегает, унося обоих, но по-разному: любимого прижимает к груди руками, нелюбимого берет на спину, а не выбрасывает, и тот крепко держится. Любимца во время беготвы мать выпускает из рук, и в итоге судьба нелюбимого же ется: он занимает место брата и становится "единственным наследником стареющих предков" (ст. 14).

Ещё меньше точек соприкосновения между басней Авиана "Собака и лев" (37) и бабриянской "Волк и собака" (100). Сходством отличается здесь только первый стих; у Бабрия он звучит: *lucēi pūnēta pimeles kūōn liēn*, у Авиана *pinguior exhausto canis occurrisse leōni*. Это сходство обусловлено ситуативной необходимостью встречи персонажей, причем собака должна быть *liēn pimeles, pinguior*. Однако уже в этом стихе Авиан отходит от Бабрия: у него выступает не волк, но изнуренный (*exhaustus*) лев. В дальнейшем столь большое различие между персонажами позволит баснописцу четче оттенить подготавливаемое противопоставление, представить жалким предложение собаки и её образ жизни. После первого стиха поэты трактуют ситуацию по-разному. У Бабрия разговор начинает волк, интересуясь, отчего же пес так развёлся. Получив ответ, волк сразу же спрашивает о вытертой шее собаки и, усилив разъярение, иронизирует:

Тогда продай, богатая еда, еода
Из-за нее железо мне сожмет горло.

(Перев. М.Л. Гаспаров)

У Авиана лев при встрече со львом сразу же безудержно бахвалятся и "двойной спяной" (*duplici tergo* - ст.4) и "благородной грудью, тучнейшей от мускулов" (*luxuriatque toris nobile pectus* - ст.5), а тем, что его допускают к столам людей, где он получает вдоволь пищи. На все это лев никак не реагирует, но спрашивает о "мерзком железе на жирной шее" (*Sed quod crassa malum circumdat guttura ferrum* - ст.7). Собака кратко отвечает: *Ne custodita fas sit abire domo* (ст.8) и тут же принимается многословно опдывать окитания голодного льва по обширным лесам в поисках случайной добычи. Затем она предлагает льву "подотавить шею под оковы" (*postris tua subdere colla catenis* - ст.11), чтобы заслужить легкие кушанья (*faciles promeruisse dereas* - ст.12). Лев исполняется благородного гнева, что Авиан изображает весьма живописно:

*Protinus ille gravem gemitu collectus in iram
Atque ferox animi nobile murmur agit (37, 13-14).*

Негодование льва наливается в многословной (6 стихов) речи. В ней упоминается, что лев заслуживает козоть кольцо (*meritis podium servitibus...* - ст.15), противопоставляется голод тяжелым оковам (*compensantque tuam vincula dura famem* - ст. 16)

и выспренно - свобода еде и обжорству (*gulae* - ст.20). Это противопоставление, хотя и весьма величественное, менее остро у Авяна, чем у Бабрия, противопоставляющего свободу "такой роскошной жизни" (*tēi trypnēi tautēi* . - ст.9). Менее остро оно и потому, что говорит о нем не низкий персонаж - волк, а благородный лев.

Попутно заметим, что басни Авяна дают основание для того, чтобы говорить о началах индивидуализации басенных персонажей, которой будет суждено стать традиционной в новой басне. Естественно, речь может идти не о всех персонажах, для этого очень мало материала, но в отношении льва, наиболее часто встречаю - щегося у Авяна, это, кажется, имеет место. Действительно, во всех случаях, когда в баснях играет роль или просто упоминается лев (5,13,18,24,37,40), он олицетворяет благородство, значительность, великую силу, мощь и никогда не выступает в недостойной его ситуации. Благороден и величественен он в противовес собаке (37), благородным негодованием исполняется, слушая бахвальства охотника, и достойно и гордо отвечает ему, величественно называя свой род "*mirumque magno* " (24,15). В басне 40 леопард в своем тщеславии считает, что "тяжелые львы" (*graves leones* - ст.3) низкого рода, но на самом же деле это не так. Бык (13) убегает от мощного и огромного льва (*imensum leonem* - ст.1). Огромным (*ingens* - ст.5) называет льва Авян и в басне 18, причем лев здесь ещё и *audax factisque...* (ст.9), так что баснописцу приходится увеличить количество быков до четырех и сделать их громадными (*immesos* - ст.1), чтобы лев не мог сравниться с ними силой. Лев столь мощен, что его шкура, это "столь великолепное украшение" (*tanto honore* - 5,8), приводит в "ужасающий трепет" (*terribilis horrore* - 5,9) даже осла, набросившего её на себя. Если даже лев прибегает к хитрости, то речь его при этом исполнена благородства (26,5-6).

Сходным образом подходит Авян к сюжетам Бабрия и в других баснях третьей группы. Поскольку две изложенные выше дают об этом достаточное представление, то не будем здесь давать подробного сопоставления других сюжетов и укажем лишь на самые существенные различия, выясняя при этом по мере возможности их причины.

В басне 17 (Бабрий, I) Авиан заменяет льва тигрицей. Объяснить это можно тем, что ситуация басни могла казаться поэту неподходящей для традиционно благородного в его трактовке льва. Из наиболее ярких различий отметим введенный здесь Авианом мотив желения тигрицы прийти на помощь пугливым животным, помогающий обосновать вызов тигрицы и трактовку её встречи с лисой. Лиса у Авиана не советует тигрице быть храброй, она сама напугана и спрашивает, кто же нанес тигрице такие ранения. Причину этих изменений объяснить трудно. Можно лишь отметить, что отказ от метафоры "вестник" в речи тигрицы и замена её прямым названием "дротик" значительно ослабляет комизм басни.

Сосна Бабрия (64) становится у Авиана елью (19), может потому, что она и выше, и стройнее, и красивее, чем сосна, и больше выигрывает в сопоставлении с терновником? Из других различий олеует упомянуть высказывание ели по поводу недостойности спора между теми, *quos meritis nulla consociaret honor* (ст. 4), в котором подчеркивается "величественная зелень вер-хушки, возносящейся к звездам" (*verticis erectae tollit in aethera somas* - ст. 6) и то, что ветер реоуправляет на ели, стоящей посреди корабля, паруса (*In me viserepos explicat aura sinus* - ст. 8). Все это оттеняет превосходство ели над терновником и придает басне ялет эпической возвышенности и картинность.

В басне 21 Авиан заменяет бабровского хохлатого жаворонка некой птичкой, убирает яркие мотивы ("овил гнездо в зелени", "опоры по утрам о ржанкой", "под лучами солнца текут колосья", "послать жнецам плату", "дать плату сноповязальщикам" - Бабрий, 88, ст. 1, 2, 13-16), делая тем самым фон действия более отвлеченным, нейтральным и вместе с тем более бледным, нежели у Бабрия. Авиан вводит здесь мотив обращения хозяина за помощью не только к друзьям, но и к соседям и реакцию на это птицы: *nam quis ab externis proficietur* (ст. 8), расширяя тем самым моральную установку басни.

В басне 33 поэт заменяет курицу гуошной (может, она казалась ему более подходящим персонажем для возвышенной поэзии, какой он стремится сделать басню?), заботливо мотивирует сказочную особенность птицы законом природы, чтобы сделать басню более правдоподобной, усиливает ладность хозяина, многословно и эпически возвышенно описывает его отчаянье.

В басне 31 сохранена только исходная ситуация Бабрия (маленькая мышь отважилась укусить быка и ...), все остальное изменено. Действие происходит не внутри стен, а где-то, где мышь может скитаться (*oberrans* - ст.1). Мышь отважилась лишь один раз нанести ужасными ртами⁹ (*vulnera rostro* (ст.3). Огромный бык "свирепо угрожал ужасными ртами"⁹, а мышь *distulit hostiles... minas* (ст.8) и произнесла многословное (4 стиха) наивидание, которое по сравнению со словами мыши из басни Бабрия (112) весьма расплывчато, неопределенно и претендует на возвышенность.

Дополняет картину соотношения сюжетов сопоставление басен Авяна с пересказами басен Бабрия из Бодлейанской парафразы. Конечно, пересказы могут помочь лишь в констатации наличия или отсутствия коренных изменений и не позволяют говорить уверенно о том, ввел ли Авяан что-то новое, так как в парафразе басни обычно сокращаются и упрощаются, лишаются многих свободных мотивов. Поэтому о введении Авяном новых мотивов следует говорить осторожно и лишь тогда, когда тот или иной мотив действительно мог бы по своему характеру принадлежать больше Авяну, нежели Бабрию.

Басни Авяна 8, 10, 11 (Бодл. пар., 104, 141, 147) близки к басням Бабрия. Коренных ломов и изменений в них нет. В басне 8 Авяну мог бы принадлежать мотив "верблюд прошел по воздуху" (ст.5, ? - текст темен) и противопоставление "увенчанных парой рогов" быков "незащищенному ян о какой стороны" верблюду (ст. 8-9); в басне 10 - развертывание в многих стихах всего того, что связано с парком и лысой головой иездника (ст.1-2, 6-8), описание воядника, гарцующего в оверкающем вооружении на рюсталище (ст.3-4); в басне 11 - дистихи о различном материале горшков (ст.3-4), о разной гармонии их движения (ст.5-6), о клятвах медного горшка (ст.7-8), мотив *et quia nulla brevi cum ... fides* (ст.10), расширенный и несколько смягченный ответ глиняного горшка. Все эти мотивы придают басням эпическую возвышенность и многословность, усиливают плавность и последовательность повествования, все они преимущественно отвлеченны и почти лишены бабрийской конкретности и "заземленности". Басни 8, 10, 11 могли бы принадлежать по характеру переработки к басням первой группы.

⁹ Текст темен; *Ille licet vasta cervum service minetur* (31,5).
16

В баснях 24, 29, 40 (Бодл. пвр., 148, 145, 132) уже есть расхождение с парафразой. У Авiana лев и человек (24) себя не расхваливают, они ведут спор, тема которого очерчена в духе Авiana, весьма смутно, и желая прекратить его, видят случайно не камень у дороги, но надгробную плиту. Здесь поэт мог ввести "оуровный взгляд" и "неистовое сердце" льва (*graves oculos, rabido rectore* - ст. 9-10), *inania signa* (ст. 9), расширить речь льва. Все это весьма характерно для Авiana. Путник у него (29) не заблудился в горах и не вышел, заметив дым на вершине, к хищине, а потерял тропу в тумане (метели?), а Сатир, пожалев, приютил его в своей пещере. Путник у Авiana также дует на руки, чтобы согреть их, но не для того, чтобы охладить, - с помощью дыхания он охлаждает вино. Речь Сатира у Авiana более отвлеченная¹⁰.

В баснях 39 и 41 (Бодл. пвр., 131, 124) Авian очень сильно удаляется от Бабрия, меняя и персонажей, и мотивы в таком же духе, как это имело место в баснях третьей группы: в Бодлейанской парафразе (124) река спрашивает имя у плывущего по ней бурдюка и, получив ответ "сухоямтная кожа", остроумно замечает, что эта кожа живо размокнет. Авian (41) заменяет прозаический бурдюк изящной амфорой, реку - ливнем, заботливо подготавливает их встречу живописной и величественно-грозной картиной бури, вызвавшей ливень, растекающийся вихрем по земле и увлекший амфору, которая сошла на воздухе, чтобы потом быть обожженной в огне. Дождь разведывает имя хрупкого сосуда, и тот, забывшись, называет себя амфорой, оставшей изящной под искусной рукой. Услышав это, дождь не забыл произнести назидательную речь и стремительно увлек неистовым потоком несчастную амфору, сдоявляемую струящимися водами и распадающуюся вполне заслуженно, ибо она:

... magna sibi cognomina sumens

Ausa pharetratis nubibus ista loqui (41, 15-16).

¹⁰ В Бодлейанской парафразе (145) речь Сатира выглядит так: "Не хочу иметь дело с дурным человеком, который выдыхает яво рта то жар, то холод". У Авiana Сатир говорит: *Nolo, - ait, - ut nostris unquam successerit antris, Tam diversa duo qui semel ora ferat* (29, 21-22).

Весьма кардинально изменена поэтом и басня "Трубач" (39; Бодл. пар., 131). У Бабрия плененный трубач умоляет врагов не убивать его, ибо он сам никого не убивал, не грабил и знал только свой медный рог (весьма в духе Бабрия!). Ему отвечает, что, поскольку он других не удерживает, но зовет к бою, то тем самым губит ещё больше врагов. У Авiana воин, *attritus per proelia* (от. I), дал обет богам (!) свезти все оружие и стал исполнять его. И тут горь, *gaucio deflectens iugumque sulcam* (от. 7), начал жаловаться:

Nulla tuos, - inquit, - petierunt tela lacertos,

Viribus affirmes quae tamen acta meis.

Red tantum ventis et cantibus arma coegi,

Nec quoque summisso (testor et astra) sono (39, 9-12).

Воин же, бросая трубу в огонь, считает, что она заслуживает "большой кары и боля" (от. I4), ибо:

Nam licet ipse nihil possis temptare nec ausis,

Saeuior hoc, alios quod facis esse malos (39, 15-16).

Авиан и здесь, как видим, верен себе, избегает обыденных образов, конкретных мотивов, заботится о правдоподобности и мотивированности ситуации, плавности рассказа, стремится к эпической возвышенности, ослабляет, делает отвлеченнее диалектику.

Итак, анализ образов и мотивов одноименных басен Авiana и Бабрия показал, что римский баснописец, несмотря на сильную зависимость от Бабрия, отнюдь не является подражателем-копистом. Заимствованный материал Авиан подчиняет своим творческим установкам, перерабатывает в меру своего таланта согласно вполне определенной творческой манере, которой последовательно придерживается. Её главная отличительная черта проявляется в стремлении поэта возвысить жанр басни, поднять его от низовой, народной литературы до уровня высокой поэзии.